

Памяти П. Л. Лаврова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П15

П15 Памяти П. Л. Лаврова / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 94 с.

ISBN 978-5-517-97269-9

ISBN 978-5-517-97269-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

П. Л. ЛАВРОВЪ (1823—1900).

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился 2/14 іюня 1823 г. въ селѣ Мелеховѣ Псковской губерніи, отъ полковника въ отставкѣ Лавра Степановича и Елизаветы Карловны урожденной Гандвигъ изъ обрусѣлаго шведскаго рода. Дѣтство онъ провелъ одиночкой среди гравюръ и среди книгъ, которыхъ поглотилъ ужасное количество начиная съ четырехъ лѣтъ, когда онъ одновременно выучился читать по русски и по французски. Къ четырнадцати годамъ, когда ему пришлось по волѣ отца поступить въ артиллерійское училище, онъ уже зналъ три европейскіе языка, читалъ въ подлинникъ лучшихъ представителей всемірной литературы, съ жаромъ занимался исторіей и математикой и пописывалъ стихи. Несмотря на казарменную дисциплину закрытаго заведенія, онъ успѣваетъ сильно развиться въ юношескіе годы и является душой кружка самообразованія, возникшаго между наиболѣе выдающимися учениками. Еще въ артиллерійской школѣ онъ проникся энтузіазмомъ къ идеямъ свободы и прогресса подъ вліяніемъ чтенія книгъ о французской революціи, а молодымъ офицеромъ познакомился съ сочиненіями Фурье и другихъ великихъ социалистовъ первой половины XIX-го вѣка. Окончивши въ 1842 г. курсъ въ училищѣ, онъ былъ приглашенъ туда-же преподавателемъ высшей математики, которую читалъ кромѣ того въ разныхъ другихъ высшихъ военныхъ школахъ.

Уже во время крымской кампаніи онъ написалъ нѣ-

сколько свободолюбивыхъ стихотвореній; но его настоящая учено-литературная дѣятельность начинается по смерти Николая I-го. Нѣкоторыя изъ его статей (о Гегель, о личности), напечатанныя въ тогдашнихъ умѣренно-либеральныхъ журналахъ, обращаютъ на него вниманіе публики и литературныхъ собратьевъ. Но радикальная часть прессы, по недоразумѣнію, не признала сначала въ немъ своего союзника, хотя уже въ 1862 г. онъ былъ членомъ революціоннаго общества „Земля и Воля“. И надо было правительству начать преслѣдованія противъ людей въ родъ Чернышевскаго, съ которымъ Лавровъ познакомился незадолго до его ареста, чтобы Петръ Лавровичъ, удовлетворяя стремленіямъ своей свободолюбивой натуры, сталъ все болѣе и болѣе сближаться съ крайними элементами въ печати и обществѣ.

Каракозовскій выстрѣлъ (4-го апрѣля 1866 г.), вызвавшій свирѣпую правительственную реакцію и поголовную трусость въ такъ называемомъ либеральномъ лагерѣ, вышибаетъ Петра Лавровича изъ привилегированныхъ слоевъ, въ которыхъ онъ, несмотря на свои передовыя идеи, вращался до того времени. Пристегнутый было къ каракозовскому дѣлу, но по недостатку уликъ сосланный въ Вологодскую губернію единственно за свои непочтительныя къ царямъ стихотворенія, за „вредныя идеи“ и знакомство съ людьми „преступнаго образа мыслей“, Петръ Лавровичъ вплотную принимается за литературную дѣятельность. „Историческія письма“, печатавшіяся сначала въ „Недѣль“ подъ псевдонимомъ Миртова, а затѣмъ вышедшія отдельной книжкой, были написаны въ этой ссылкѣ. Громадный успѣхъ этого небольшого, но необыкновенно умнаго и высоко-патетическаго сочиненія становится однако извѣстенъ автору лишь за границей, куда онъ успѣваетъ добраться послѣ побѣга изъ Тотьмы, устроеннаго знаменитымъ Германомъ Лопатнымъ.

Пріѣхавъ въ мартъ 1870 г. въ Парижъ по приглашенію Герцена, Лавровъ уже не застаётъ его въ жи-

выхъ, но знакомится какъ съ парижскими учеными, въ родѣ антрополога Брока (позже пригласившаго его въ редакцію своего журнала), (такъ съ представителями рабочаго социализма и близко сходится съ типографщикомъ Варлэномъ, который вводитъ его въ Интернаціональ. Лавровъ остается въ Парижѣ во время осады его пруссаками и, когда вспыхнула коммуна, обращается къ революціонному правительству съ предложеніемъ преобразовать учебныя заведенія. Въ началѣ мая 1871 года Петръ Лавровичъ удачно пробирается сквозь версальскія войска и отправляется сначала въ Брюссель, затѣмъ въ Лондонъ, чтобы просить поддержки коммуны у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала.

Международное товарищество рабочихъ, было, впрочемъ, не въ силахъ помочь возставшему парижскому пролетаріату, раздавленному свирѣпыми защитниками буржуазнаго порядка и грабительской собственности въ трагическіе дни „кровавой недѣли“. Но поѣздка Лаврова въ Лондонъ имѣла большое вліяніе на развитіе русскаго мыслителя, который знакомится съ Марксомъ и Энгельсомъ и впервые изучаетъ экономическіе и социологическіе взгляды автора „Капитала“. Съ 1873 по 1876 г. Лавровъ издаетъ сначала въ Цюрихѣ, затѣмъ въ Лондонѣ знаменитый „Впередъ“, который вызывалъ въ свое время ожесточенныя нападки, но и не менѣе сильный энтузіазмъ и которому принадлежитъ заслуга развернуть въ Россіи знамя „рабочаго социализма“. Съ 1877 г. Лавровъ поселяется въ Парижѣ, гдѣ и живетъ, съ небольшимъ перерывомъ, до самой своей смерти. Въ 1881 г. онъ успѣваетъ отстоять Гартмана отъ притязаній русскаго правительства, обращавшагося къ властямъ третьей республики съ просьбою о выдачѣ, а вскорѣ основываетъ заграничное отдѣленіе „Краснаго Креста Народной Воли“, за что и высылается въ февралѣ 1882 г. изъ Франціи. Возвратившись (неофициально) въ Парижъ, онъ съ осени 1883 г. начинаетъ издавать вмѣстѣ съ Тихомировымъ „Вѣстникъ Народной Воли“, присоединяясь, въ качествѣ вѣрнаго союзника,

къ славной революціонной организаціи. По прекращеніи-же „Вѣстника“ (1886 г.) и переходѣ Тихомірова въ ряды катковцевъ остается вѣренъ народовольческому знамени, неустанно пропагандируя необходимость одновременной борьбы противъ самодержавія и капитализма. Съ 1892 по 1896 г. онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ предпринятомъ „Группою старыхъ народовольцевъ“ изданіи „Матеріаловъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“. Здѣсь былъ напечатанъ его этюдъ о „народникахъ 1873—1878 г.“, въ которомъ особенно поражаетъ отдѣлъ о „Впередѣ“, отличающійся не только глубиною историческаго пониманія, но и удивительнымъ безпристрастіемъ.

Кромѣ безчисленнаго множества статей, брошюръ, этюдовъ, публичныхъ лекцій, составляющихъ ученый и агитаціонный багажъ, оставшійся послѣ сорокалѣтней дѣятельности П. Л. Лаврова на пользу прогресса и революціи, мы должны въ особенности упомянуть о его крупномъ философскомъ трудѣ „Опытъ Исторіи Мысли новаго времени“ (съ 1888 г.). Первый планъ этого сочиненія былъ задуманъ Петромъ Лавровичемъ еще въ 1867 г., когда онъ находился въ тюремномъ заключеніи передъ высылкою; и съ тѣхъ поръ этотъ планъ былъ нѣсколько разъ выполняемъ покойнымъ подъ различными заглавіями и въ различныхъ формахъ, наиболѣе продуманной изъ которыхъ является уже упомянутый, къ сожалѣнію неконченный „Опытъ“.

Но не одною силою мысли и глубиною убѣжденія былъ дорогъ П. Л. Лавровъ всѣмъ намъ, социалистамъ-революціонерамъ: необыкновенная высота его личной жизни и строгое согласіе ея съ общимъ міровоззрѣніемъ мыслителя-борца дѣлали изъ Лаврова неподражаемаго, незамѣнимаго апостола социализма. И можно смѣло сказать, что въ этомъ отношеніи волны энтузіазма и идейнаго внушенія, распространяемая самою личностью нашего учителя и товарища, заходили далеко за предѣлы собственно революціоннаго міра и разносили даже въ буржуазныхъ кругахъ его знакомыхъ ува-

женіе, сочувствіе, а порою и любовь къ новому евангелію, евангелію коллективнаго труда и братской солидарности. Матеріальная помощь, нравственная поддержка, совѣты, указанія, вдумчивое и гуманное отношеніе къ чужому горю, безкорыстное восхищеніе передъ всякою удачею товарищей, поразительная скромность этого необыкновенно крупнаго человѣка,—все это выплываетъ теперь въ нашей памяти и все это вдвойнѣ заставляетъ насъ скорбѣть о незамѣнимой утратѣ.... И какой однако восторгъ овладѣваетъ душою пишущаго эти строки, когда онъ вспоминаетъ трогательную просьбу, обращенную къ нему старымъ другомъ: „умру я, будутъ нападать на меня враги — не отвѣчайте на чисто личныя нападки: политическая страсть можетъ внушать самыя несправедливыя обвиненія. Но когда идейный врагъ коснется по поводу моей смерти нашихъ заветныхъ мыслей, будетъ глумиться надъ нашимъ общимъ идеаломъ и стремленіями, поднимитесь на защиту товарища и докажите, что, не говоря о нашемъ міровоззрѣніи, наша нравственность и наша жизнь, — жизнь социалистовъ-революціонеровъ, — не боятся сравненія ни съ какой моралью и ни съ какой карьерою враговъ прогресса, свободы и социализма“. Я думаю, этихъ словъ достаточно для характеристики человѣка, который утратилъ свое личное существованіе лишь для того, чтобы жить отнынѣ безсмертною жизнію героевъ человѣчества....

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ П. Л. ЛАВРОВА.

Петръ Лавровичъ остался до послѣдняго часа великимъ учителемъ... Если онъ въ теченіи болѣе полувѣка и словомъ, и личнымъ примѣромъ училъ, *какъ надо жить*, то въ послѣдніе дни своей жизни показалъ, *какъ надо умирать*. Онъ умеръ—какъ и жилъ—сознательно, съ спокойствіемъ и твердостью стойка, съ простотой апостола, прямо и безтрепетно глядя въ глаза надвигающейся смерти. До послѣдней минуты онъ не забывалъ, что онъ слугитель высокаго идеала. Великая и чистая какъ алмазъ жизнь завершилась величественной и прекрасной смертью. . . . И мы думаемъ, что точное описаніе „послѣднихъ дней“ нашего учителя можетъ послужить урокомъ, и не только для насъ, но и для будущихъ поколѣній.

*
* *
*

Физическій обликъ Петра Лавровича поразительно гармонировалъ съ его духовной личностью. Его высокая, мощная и величественная фигура всегда и вездѣ выдѣлялась изъ окружающей толпы, обращала на себя вниманіе, внушала глубокое почтеніе даже лицамъ, совершенно не знавшимъ Петра Лавровича. Въ этой фигурѣ и во всѣхъ движеніяхъ было много сознанія собственнаго достоинства, много внутренней силы, много величія.

Львиная голова, съ длинными съдыми волосами, большая бѣлая борода, добродушно-грозные усы, громадный открытый лобъ безъ морщинъ и крупный славянскій носъ съ рѣзкой складкой у переносицы. А сколько жизни и выраженія было въ его близорукихъ и слегка прищуренныхъ глазахъ!... Черты его лица живо отражали настроеніе. Какими холодными и непреклонно-строгими онъ становились, когда Петру Лавровичу приходилось узнавать про какой-нибудь дурной поступокъ социалиста, способный компрометировать великую идею. Какое скорбное выраженіе было на его лицѣ въ тотъ день, когда онъ прочелъ во французской социалистической печати сердечныя привѣтствія по адресу прибывшаго въ Парижъ царя...

Петръ Лавровичъ обладалъ поразительно здоровымъ организмомъ. Онъ, кажется, во всей своей жизни ни разу не перенесъ ни одной серьезной болѣзни и очень рѣдко недомогалъ. Потому-то организмъ его, совершенно не приученный къ медикаментамъ, реагировалъ на самыя микроскопическія дозы.

Своимъ здоровьемъ Петръ Лавровичъ, конечно, прежде всего былъ обязанъ природѣ, но также и своему образу жизни. Петръ Лавровичъ никогда не употреблялъ ничего возбуждающаго: не пилъ, не курилъ и отличался крайней воздержностью въ пищѣ. Сколько, на прим., труда и усилий стоило доктору убѣдить П. Л. пить за завтракомъ и обѣдомъ по четверти стакана шампанскаго. Борьба эта велась съ П. Л. цѣлыхъ два года и онъ согласился на убѣжденія доктора только въ послѣдніе мѣсяцы жизни, когда почувствовалъ, что при усиленной лихорадочной работѣ, которую онъ велъ тогда, ему необходимо возбужденіе. И нужно было видѣть, съ какимъ выраженіемъ молчаливаго протеста наливалъ онъ каждый разъ себѣ эти четверть стакана шампанскаго. Протестъ противъ такой роскоши у него вырвался даже за 2-3 дня до смерти. Когда онъ лежалъ уже парализованный на смертномъ одрѣ, дочь предложила ему немного шампанскаго.

— Шампанскаго... Не слѣдуетъ пить шампанскаго... Соціалисту, эмигранту—какое шампанское! Стыдно... — въ полусознаніи отвѣтилъ онъ ей.

Охраняла его организмъ отъ преждевременнаго разрушенія и поразительная регулярность жизненнаго обихода. День П. Л. былъ весь распределенъ—и это распределение въ теченіи многихъ лѣтъ выполнялось строго. П. Л. вставалъ ровно въ 7 час. утра лѣтомъ и въ 7¹/₂ зимою, въ полчаса одѣвался и выпивалъ стаканъ кофе, который онъ самъ приготовлялъ себѣ на спиртовой лампочкѣ, — и въ 7¹/₂—8 ч. уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ. Работалъ надъ своими трудами онъ въ послѣдніе годы только по утрамъ, 3-4 часа, до 11-11¹/₂. Затѣмъ читалъ утреннія французскія газеты, если не назначалъ на это время свиданія кому нибудь изъ товарищей по особо-важному дѣлу, большею частью революціоннаго характера.

Въ 12-12¹/₂ онъ завтракалъ (завтракъ состоялъ изъ бульона и пары яицъ) и немного отдыхалъ. Затѣмъ до 4 ч. читалъ новыя книги и журналы на разныхъ языкахъ, если опять таки никто на приходилъ къ нему съ визитомъ: между 2 и 4 ч. были обыкновенно приемные часы П. Л., и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кто нибудь изъ знакомыхъ П. Л., а часто и незнакомыхъ, не заходилъ къ нему и по дѣлу, и безъ дѣла.

Въ 4 ч. П. Л. принимался за русскіе газеты и журналы, которые читалъ до 5¹/₂. Затѣмъ уходилъ въ ресторанъ завтракать и по возвращеніи домой читалъ французскую вечернюю газету „Темпръ“ и въ 11 час. ложился спать. Въ послѣдніе годы въ образѣ жизни П. Л. произошли нѣкоторыя измѣненія: днемъ и вечеромъ газеты ему читались вслухъ; обѣдать ему приносили домой изъ ресторана. Но распределение дня, минута въ минуту, оставалось то же. Иногда я ночевалъ у П. Л., когда онъ себя чувствовалъ не совсѣмъ здоровымъ. Утромъ онъ просыпался въ определенное время.

— Какъ вы спали, П. Л.? спросишь его.

— Да такъ, плохо спалъ. Почти всю ночь не могъ заснуть, — отвѣчаетъ онъ со вздохомъ.

— Такъ вы бы еще полежали, можетъ быть, заснули бы.

— Какъ можно! — восклицалъ онъ въ отвѣтъ съ такимъ возмущеніемъ, точно я предлагалъ ему совершить преступленіе.

И эту же самую твердость сохранилъ онъ въ распредѣленіи дня во всемъ.

Никогда не забуду я слѣдующаго случая. Года 4 тому назадъ сидѣли мы вечеромъ, и я читалъ ему „Русскія Вѣдомости“. Среди извѣстій прочелъ я о страшномъ пожарѣ въ Екатеринославѣ, гдѣ тогда сгорѣлъ театръ и погибло болѣе 100 человекъ. П. Л. поблѣднѣлъ какъ полотно: въ Екатеринославѣ жила его единственная дочь съ дѣтьми и внуками, и онъ какъ разъ давно не имѣлъ отъ нея извѣстія.

Немного оправившись отъ впечатлѣнія, онъ написалъ дочери письмо и сѣлъ опять у стола.

— Ну, что же, будемъ продолжать чтеніе, — проговорилъ онъ. — Оттуда мы все равно сейчасъ извѣстій не можемъ получить.

И я читалъ ему газету до урочнаго часу. И онъ сидѣлъ и, казалось, слушалъ. Я, впрочемъ, не ручаюсь, что онъ дѣйствительно слышалъ чтеніе: слишкомъ ужъ онъ былъ взволнованъ и разстроенъ. Но порядокъ не былъ нарушенъ.

Самой сильной и здоровой частью организма П. Л. была его голова. П. Л. работалъ почти непрерывно цѣлый день, только мѣняя области труда, и такъ круглый годъ, не признавая обычнаго праздничнаго отдыха. Въ теченіи чуть ли не полвѣка онъ работалъ такимъ образомъ — и не зналъ переутомленія. Голова у него была постоянно свѣжая. Знаменательно, что онъ почти никогда не испытывалъ головной боли и не былъ подверженъ угару, даже самому сильному. Память у П. Л. была поразительная, феноменальная. Онъ помнилъ содержаніе книги, даты, событія, происшедшія много

десятковъ лѣтъ тому назадъ. Помнилъ онъ много стихотвореній, заученныхъ въ дѣтствѣ и юности, и прекрасно декламировалъ ихъ при случаѣ. Но особенно поразительна была его память на книги. Онъ помнилъ всѣ книги своей библіотеки—а ихъ у него было около десятка тысячъ—помнилъ названія, форматъ, годъ изданія, помнилъ на какомъ мѣстѣ и гдѣ стоитъ книга, и когда онъ ее имѣлъ въ рукахъ въ послѣдній разъ.

Бывало, зайдетъ къ нему кто-нибудь посоветоваться насчетъ литературной работы. Изъ какой-бы области, по какой-бы специальности она ни была, спрашивавшій могъ быть увѣреннымъ, что П. Л. дастъ ему совѣтъ, какъ къ ней приступить, на что обратить особенное вниманіе, и укажетъ самые лучшіе источники, самую новѣйшую литературу вопроса. Подобныя указанія обыкновенно заканчивались приблизительно такъ.

— Самая интересная для васъ книга—это такая-то. Она должна у меня быть, но я не увѣренъ, что у меня ее не забралъ кто-нибудь. Давно не имѣлъ я ее въ рукахъ, лѣтъ 7-8.

И, помолчавъ немного, онъ обыкновенно прибавлялъ:

— Хотите, поищите ее, но я не ручаюсь, что вы ее найдете.

— А гдѣ приблизительно искать?

П. Л. съ минуту подумаетъ.

— Посмотрите-ка въ моемъ рабочемъ кабинетѣ, направо отъ письменнаго стола, въ колоннѣ между двумя дверьми, на третьей полкѣ. Книжка небольшая, безъ переплета, сѣрая обложка, немножко подержанная...

И послѣ такихъ указаній можно было найти съ закрытыми глазами книгу.

*
* * *

Какъ я уже сказалъ, Петръ Лавровичъ рѣдко бывалъ боленъ. У него была застарѣлая болѣзнь кишекъ, которая время отъ времени, особенно въ послѣдніе годы, на день-два возвращалась. Иногда, тоже въ послѣдніе